

К ДИНАМИКЕ СУБЪЕКТНОЙ РЕФЕРЕНТНОСТИ ГЛАГОЛА (ПАМИРСКИЙ АРЕАЛ)

Д.И. Эдельман

Институт языкознания РАН
joy.edelman@gmail.com

В языках шугнано-рушанской группы система глагольных форм построена по схеме, типологически общей для памирских языков: формы настоящего времени флективны; формы прошедших времен аналитические: состоят из основ смыслового глагола и сопровождающих их маркеров лица и числа субъекта — так называемых отделяемых личных показателей, единых для разных форм прошедших времен. Таково, в частности, распределение функций между элементами, составляющими базовые формы: собственно прошедшее время и перфект. Место маркеров субъекта не закреплено при основе: в морфолого-синтаксическом отношении они являются энклитиками, тяготеющими к позиции после первого ударного блока предложения (то есть после слова или словосочетания), хотя, в зависимости от семантического интонационного выделения и ритмики фразы, могут ставиться в конце фразы, непосредственно после основы глагола (при обычном порядке (S)OV), отчасти по аналогии к флективным формам настоящего времени.

Строй предложения в основном номинативный, хотя в рушанском, хуфском, бартангском языках сохраняются остатки эргативообразных конструкций.

Элементы, служащие маркерами лица и числа при непереходных глаголах, являются также связками при именном предикате, кроме 3 л. ед. ч., где связка нулевая. Схема стандартной номинативной конструкции: шугн. *wiz-um mīn zoxt* 'я взял яблоко', *wiz-um biyor yat* 'я пришел вчера'.

В эргативообразных конструкциях при переходных глаголах местоимение, представляющее субъект, оформляется косвенным падежом (объект — тоже, но сейчас речь не о нем). Важно, что в таких конструкциях наличие местоимения-субъекта в косвенном падеже исключает употребление субъектного маркера, он избыточен. Например, руш. *duf um kitob xəyt* 'они прочли эту книгу' // *um kitob-an xəyt* '(они) прочли эту книгу' (Файзов 1966: 71).

Становление базовых форм прошедших времен в языках шугнано-рушанской группы в принципе изучено. Они продолжают древнеиранские

конструкции так называемого перифрастического перфекта, базировавшегося на причастии прош. времени (так наз. «причастия перфекта»). Для непереходных глаголов это была конструкция типа **ažam taktah ahmi* ‘я пошел’, букв. ‘я пошедший есмь’, где причастие ориентировано на субъект в роде и числе, а связка — в лице и числе; субъект мог быть представлен именем // местоимением в прямом падеже. Для переходных глаголов это была конструкция типа зафиксированных в древнеперсидских текстах оборотов *ima t(a)ya mana // mai kartam (asti)* ‘это, что у меня // мной сделано // сделанное (есть)’, где причастие ориентировано на объект в роде и числе, а связка — в лице и числе; субъект же мог быть представлен именем // местоимением в косвенном падеже либо местоименной энклитикой соответствующих лица и числа. Слабая позиция связки 3 л. ед. ч. ослабляла объектную ориентацию глагола в целом, что впоследствии обеспечило во многих иранских языках переосмысление всей конструкции как ориентированной на субъект. Субъектная переориентация всей конструкции была усилена аналогией с конструкцией прошедшего времени непереходных глаголов, а также с формами настоящего времени разных глаголов с их субъектной ориентацией. Продолжения этих конструкций в виде форм прошедших времен и перфектов прослеживаются в большинстве иранских языков, включая памирские.

Основы прошедших времен современных глаголов шугнано-рушанской группы являются продолжениями древних причастий прошедшего времени. Часть основ непереходных глаголов, которые были ориентированы на субъект, в текстах, записанных в разные годы XX века, сохраняют изменения по роду и числу. Ср. например, основы прошедшего времени шугнанского языка, восходящие к первичным причастиям прош. вр. глагола **tak-* ‘идти, уходить’: ед. ч. м. р. *tūyd* < **tak-ta-*, ж. р. *toyd* < **tak-tā-*, мн. ч. *toyd* < **tak-tāh-*. Основы перфекта тех же глаголов восходят к вторичным причастиям: ед. ч. м. р. *tūyĵ* < **tak-ta-kah*, ж. р. *tīc* < **tak-ta-čī-*, мн. ч. *toyĵ* < **tak-ta-kāh* (Соколова 1967: 27, 35; Morgenstierne 1974: 82).

Основы переходных глаголов, продолжающие причастия, первоначально пассивные и ориентированные на объект, в процессе последующего перехода формы в целом на субъектную ориентацию утратили изменения по роду и числу.

Таково положение во всех языках группы, кроме сарыкольского, который утратил категорию рода и соответственно регулярные изменения причастий.

Что касается референтных маркеров лица и числа субъекта в формах прошедших времен в текстах XX века, то они по идее должны были продолжать древние связки и/или местоименные энклитики из конструкций с непереходными и переходными глаголами соответственно. Вместе с тем, в результате процесса унификации спряжения в формах прошедших времен в этих текстах наблюдаются следующие явления, имеющие значение для этимологии этих элементов.

Произошло частичное слияние местоименных энклитик и соответствующих им личных форм глагола-связки, практически реализовавшееся как поглощение энклитиками того, что было рефлексами древнеиранских связок, или форм глагола **ah-/as-/az-* 'быть, существовать' (Расторгуева, Эдельман 2000: 87 и сл.). Это вызвало «энклитизацию» получившихся элементов, ставших показателями лица и числа субъекта форм прошедших времен непереходных глаголов и связками при именном предикате, например, руш. *az-um sut tar xo vrō-xīz* 'я подошел к своему брату'; *dad-an mōšīnēn* 'они-суть машины' (Соколова 1959: 19).

При том, что схемы парадигм в синхронном морфолого-синтаксическом плане типологически единообразны, наблюдается неоднородность глагольных маркеров субъекта по языкам и диалектам (в том виде, в котором они зафиксированы в текстах XX века). Ср. состав этих «отделяемых личных показателей» и связок и их историю.

Ед. ч.

1-е л. Шугн., руш., хуф., барт., рош. *-um*; сар. *-am* (при любых глаголах) — рефлексы местоименной энклитики 1 ед. **mai*, при возможной контаминации с продолжениями связки **ahmi*.

2-е л. Во всех языках группы *-at* (при любых глаголах) — рефлексы энклитики 2 ед. **tai*.

3-е л. Барт. (раум.-сип.), сар. *-i* (при любых глаголах); шугн., руш., хуф. *-i* (редко, только при переходных); барт. (бас.), рош. *-0* (ноль, при любых глаголах) — рефлексы энклитики 3 ед. **hai* с разной степенью сохранности по языкам; ослабление их употребительности обусловлено употреблением их в роли связки и тенденцией к частому выпадению связки 3 л. ед. ч.

Мн. ч.

1-е л. Шугн. *-ām*, руш., хуф. *-am* (при любых глаголах) — рефлекс связки 1 мн. **(a)hmahi* > **mahi*; огласовка изменена по аналогии с личным показателем наст. вр., продолжающим **-āmahi*; в шугнанском все показатели мн. ч. изменялись по аналогии к флексии форм наст. вр.

Барт., рош., сар. *-an* (при любых глаголах) — рефлексы энклитики 1 мн. **nah*.

2-е л. Шугн. *-ēt* (при любых глаголах) — возможный результат вытеснения связи **sta* заимствованием личного показателя из парадигмы наст. вр.

Руш., хуф., рош., сар. *-af* (при любых глаголах) — рефлексы энклитики 2 л. мн. ч. **vah*.

Барт. *-at*, *-af* (при любых глаголах) — результат тенденции к унификации спряжения переходных и непереходных глаголов или влияния шугнанского языка.

3-е л. Шугн. *-ēn*, руш., хуф. *-an* (при любых глаголах), барт. *-an* (при непереходных глаголах) — рефлексы связки 3 л. мн. ч. **hanti*.

Барт. *-af* // *-an* (при переходных глаголах) — результат частичной унификации спряжения (о происхождении *-af* см. ниже).

Рош. *-af*, реже *-an* (при любых глаголах).

Сар. *-af* (при любых глаголах).

Показатель 3 мн. *-af* по историко-фонетическим данным должен продолжать элемент, содержащий палатализованный **-b-*. Таким мог быть рефлекс указательного местоимения мн. ч. в форме дат.-абл. **avaibiš* или инстр. **avabyah* при его поздней энклизе. Если это так, то показатель 3 мн. *-af* — этимологический рудимент прошлой эргативообразной конструкции. Подробнее об истории личных показателей прошедших времен см. Эдельман 1987: 311, 324–325; 1990: 112–113.

Этимологическая неоднородность глагольных маркеров субъекта по языкам и диалектам показывает, что процесс закрепления в них древних элементов, символизирующих субъект, не был абсолютно одинаковым и синхронным во всех языках шугнано-рушанской группы. Сильнее всего тенденция к унификации парадигмы прошедших времен (затронувшая частично даже парадигмы настоящего времени) проявилась в шугнанском языке — престижном языке культурного центра Памира, центре иррадиации инноваций для всей языковой группы. Наибольшее число архаизмов и переходных этапов выявляют «малые» языки и диалекты труднодоступных регионов. Особый путь преобразований обнаруживает сарыкольский язык, оторванный государственной границей от шугнанского влияния.

Таким образом, в динамике преобразования элементов субъектной референтности глагола определенную роль играли социолингвистический и этногеографический факторы, как это было в ареале распространения русского языка и в ходе иного процесса, анализированных в работе А.А. Кибрика (2013: 239–274).

Современные итоги этого процесса на Памире могут быть выявлены новыми полевыми исследованиями.

Сокращения

барт. — бартангский (с говорами: бас. — басидским; раум.-сип. — раумедо-сипанджским); рош. — рошорвский; руш. — рушанский; сар. — сарыкольский; шугн. — шугнанский.

Литература

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. 2000. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1. М.: Восточная литература.

- Соколова В.С. 1959. *Рушанские и хуфские тексты и словарь*. М.–Л.: Изд-во АН СССР.
- Соколова В.С. 1967. *Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы*. Л.: Наука.
- Файзов М. 1966. *Язык рушанцев Советского Памира*. Душанбе.
- Эдельман Д.И. 1987. Шугнано-рушанская языковая группа. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа*. М.: Наука.
- Эдельман Д.И. 1990. *Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса*. М.: Наука.
- Kibrik A.A. 2013. Peculiarities and origins of the Russian referential system. In: D. Bakker and M. Haspelmath (eds.) *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*, Berlin: Mouton de Gruyter, с. 239–74.
- Morgenstierne G. 1974. *Etymological vocabulary of the Shughni group*. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.